

18+

ЗНАТКИЙ

Дмитрий Варяжек

Дикое поле. Пробуждение

Дмитрий Варяжек

**Знаткий. Дикое
Поле. Пробуждение**

«Издательские решения»

Варяжек Д.

Знаткий. Дикое Поле. Пробуждение / Д. Варяжек —
«Издательские решения»,

Вы, верно, думаете, что проснуться в новом теле, да еще и в другой эпохе — это зело весело? Насмотрелись, небось, движущихся картинок, где герой по мановению ока выхватывает сверкающий клинок, обряжается в шелка и начинает рубить супостатов направо и налево, попутно соблазняя первых красавиц. Спешу вас разочаровать. Первое, что я осознал, когда пелена сошла с моих глаз, — это то, что я сижу голым задом в теплой, чавкающей навозной жиже посреди казачьего база.

Содержание

Глава 1. Грязь, полынь и персидские колыбельные	6
Глава 2. Кипяток, мази и дед Архип	11
Глава 3. Дар степного волка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Знаткий. Дикое Поле. Пробуждение

Дмитрий Варяжек

© Дмитрий Варяжек, 2026

ISBN 978-5-0069-8923-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Грязь, полынь и персидские колыбельные

Вы, верно, думаете, что проснуться в новом теле, да еще и в другой эпохе — это зело весело? Насмотрелись, небось, движущихся картинок, где герой по мановению ока выхватывает сверкающий клинок, обрягается в шелка и начинает рубить супостатов направо и налево, попутно соблазняя первых красавиц.

Спешу вас разочаровать. Первое, что я осознал, когда пелена сошла с моих глаз, — это то, что я сижу голым задом в теплой, чавкающей навозной жиже посреди казачьего база. И мне четыре года от роду. На дворе, если переводить на ваше летоисчисление, стоял год тысяча пятьсот тридцать девятый. Хотя здесь, на Нижнем Дону, года считали иначе — от сотворения мира, да и то не шибко забивали этим головы. Куда важнее было знать, когда лед вскроется и когда татарин в набег пойдет.

Я поднял перед собой ладони. Крошечные, пухлые, перемазанные в глине. Попытался сказать что-то вроде: «Какого рожна тут происходит?», но из горла вырвалось лишь невнятное мычание. Голосовые связки четырехлетнего мальчика не поспевали за разумом взрослого мужа. Взрослого мужа из... откуда? Память была странной, словно продырявленный кувшин. Я помнил концепции, слова, идеи из будущего, но не помнил своего прошлого имени. Зато я четко знал, что теперь меня кличут Фролом. Фролом Ермолаевым сыном.

— Фролка! А ну, пострел умытый, иди к матери, неча в грязи валяться! — раздался певучий, с заметным гортанным акцентом голос.

Я повернул тяжелую, посаженную на тонкую детскую шею голову. На пороге нашего куреня — сплетенного из хвороста и обмазанного глиной строения, крытого камышом — стояла женщина. О, это отдельная история. Донские казаки той поры жен себе добывали в походах, брали ясырь. Мой батя, Ермолай, человек крутого нрава и медвежьей силы, несколько лет назад сходил с ватагой за Хвалынское (Каспийское) море. И привез оттуда не только тяжелые персидские ковры да серебро, но и мать мою.

Звали ее Ширин. Здесь, конечно, окрестили по-своему — Дашей, Дарьей. Но персиянкой она от этого быть не перестала. Высокая, тонкая в кости, с волосами черными, как вороново крыло, и глазами цвета пережженной степной земли. Она носила казачий сарафан, но повязывала платок на свой, восточный манер, а в курене у нас пахло не только кислой капустой, но и терпкими пряностями, которые она чудом сохранила в резном ларце. Именно от нее мне досталась смуглая кожа и тяжелый, недетский взгляд из-под черных, как смоль, вежд.

Я закрихтел, оперся крошечными руками о землю и поднялся на ноги. Ветер с Дикого Поля ударил в лицо. Он нес запахи ковыля, сухой полыни и конского пота. И в этот самый миг случилось то, что навсегда отрезало меня от простых смертных.

Время вдруг словно загустело, как патока.

Звуки городка — стук топора, конское ржание на дальнем базу, далекий гутар казаков у реки — разом стихли. Я стоял посреди двора и видел закрытыми очами, как по степи, верстах в десяти от нас, стелется низкая, серая пыль. Я не мог этого видеть обычным зрением. Густые камыши и земляные валы застилали горизонт. Но я видел.

Мой разум выхватил из этой пыли мохнатые татарские малахай, кривые сабли, низкорослых, выносливых степных лошадей, которые шли бесшумной рысью, оставляя на измятом ковыле едва заметную сакму. Ногайская орда. Сотни полторы клинков. Они шли не прямо на городок, а брали в обхват, чтобы перерезать броды и ударить на рассвете, когда казаки спят самым крепким сном.

Вместе с видением пришел холод, сковавший позвоночник. В ваших фильмах это называли бы экстрасенсорикой или ясновидением. Во мне же проснулась древняя, как сама степь, кровь — то ли сплетенная из батичей ярости, то ли из древних персидских тайн материнского рода. Я почувствовал чужой живот — чужую жизнь, — жаждущую крови.

Я открыл глаза. Грязь под ногами стала просто грязью.

— Батя... — прохрипел я, срывая голос.

Ермолай возился у плетня, правя оселомом широкое лезвие секиры. Широкоплечий, с оселедцем, выбивающимся из-под потертой шапки, с лицом, исполосованным шрамами от сабельных ударов. Ему было не до меня.

— Чего тебе, малец? Беги к матери, сказано, — буркнул он, не отрываясь от работы.

Я подошел ближе. Страх быть отвергнутым не было. Было понимание: если я промолчу, завтра наши головы будут торчать на пиках, а Ширин снова пойдет в ясырь, теперь уже к татарам. Я вцепился своими перемазанными ручонками в его грубые кожаные штаны.

— Батя. Сакма!

Ермолай замер. Он медленно опустил оселок и посмотрел на меня сверху вниз. Слово «сакма» было не для четырехлетнего ребенка. Оно означало вражеский след, причем след конного отряда.

— Какая еще сакма, Фролка? Окстись, — он нахмурил густые брови. — Дозорные на курганах сидят, очи проглядели. Тихо в степи.

— Ногайцы, — четко, выговаривая каждый звук, словно гвозди вбивая, произнес я. — Там, где Черный буерак. Обходят. Полторы сотни. Кони в мыле. Железо под попонами прячут.

Отец побледнел. В 16 веке люди не считали видения детской фантазией. То, что вы называли бы психическим расстройством, тут уважали и боялись. «Знаткие», «видящие» — так это тут называлось. Особенно учитывая «колдовскую» славу моей матери. Ермолай посмотрел на мои глаза. Потом перевел взгляд на горизонт, туда, где должен был быть Черный буерак.

Он мог бы отмахнуться. Мог бы выпороть хворостиной за дурные слова перед ночью. Но он был казаком, дожившим в Диком Поле до тридцати с лишним лет. Недоверие интуиции здесь обходилось слишком дорого.

Ермолай бросил секиру в траву. Развернулся всем своим огромным корпусом к вышке, где, дремавший казак оперся на пицаль.

— Спиридон! — рев моего отца разорвал вечернюю тишину городка, заставив ворон взмыть с камышовых крыш. — Бей в било! Сполох! Татары у буерака!

— Ермолай, ты белены объелся?! — донеслось с вышки. — Дозоры молчат!

— Бей, мать твою за ногу, или я тебе этим топором башку снесу! — взревел отец. — Мой пацан сакму почуял!

Спиридон замешкался лишь на мгновение. А затем раздался тяжелый, тревожный, пробирающий до самых костей звон набатного била.

Городок мгновенно преобразился. Как муравейник, в который ткнули палкой. Мужики выскакивали из куреней, на ходу надевая кольчуги-бахтерцы и хватая пищали. Бабы молча, без слез и причитаний (потому что слезами в Поле никого не разжалобишь), хватали детей и тащили их в центр городка, к изготовившимся повозкам.

Мать подхватила меня на руки. От нее пахло розовой водой и первобытным страхом. Она прижала мою голову к своей груди, шепча на фарси заговоры от злых духов и шайтанов.

Я смотрел через ее плечо, как казаки спешно выкатывают к воротам легкие пушки-тюфяки. Готовят всё за ранее, на тот случай если супостат решит раньше напасть. Моя детская ручка непроизвольно сжалась в кулак. Я не знал, откуда во мне эти знания, откуда это странное восприятие мира. Но я точно знал одно: я выживу. И заставлю это Дикое Поле играть по моим правилам.

Впереди был кровавый рассвет. Первая битва, в которой мне предстояло участвовать, сидя на руках у матери и наблюдая, как льется кровь, впитываясь в сухую, равнодушную донскую землю. Добро пожаловать в шестнадцатый век, господа присяжные заседатели. Здесь будет жарко.

Вы, в своем благоустроенном будущем, привыкли думать о войне как о сводках новостей или красивых кадрах с коптера. А я вам так скажу: настоящая война пахнет кислым потом, немытым телом, конской мочой и жженой серой. И звучит она не как оркестровая симфония, а как надсадный кашель, лязг железа и хруст ломающихся хрящей.

Пока Дарья тащила меня к центру майдана, городок ошетинился. Эти неграмотные, грубые мужики, многие из которых и креста-то толком наложить не умели, в военном деле дадут сто очков вперед любому современному спецназу. За два часа до рассвета, никто не бегал в панике, никто не орал дурниной. Женщины сноровисто сгоняли скот в дальний угол база и стаскивали тяжелые телеги, выстраивая из них внутреннее кольцо обороны — если татары прорвут тын, биться будут за возами.

Дарья усадила меня за тяжелым дубовым колесом телеги, присев рядом. Я заметил, как из-под складок сарафана скользнула ее изящная, узкая кисть, сжимая кривой персидский кинжал с рукоятью из моржовой кости. Лицо матери окаменело. На Дону закон был прост: если баз пал, бабы режут детей, а потом себя. Ясырь, татарский плен, это не романтическое приключение в гареме султана. Это веревка на шее, клеймо на щеке, продажа на невольничьем рынке в Кафе и короткая, страшная жизнь рабыни. Ширин это прекрасно знала. Она уже прошла через это, когда мой батя брал ее с боем на берегах Хвалынского моря.

— Сиди тихо, джегяр-э ман, душа моя, — шепнула она, погладив меня по голове свободной рукой. От ее пальцев исходил едва уловимый жар. Не знаю, была ли в ней магия, но сила духа в этой женщине таилась волчьей.

Я прижался щекой к холодному ободу колеса, вглядываясь в щель между досками. Четырехлетнее тело предательски дрожало, но разум оставался холодным, как лед на Крещение. Я пытался осознать то, что произошло час назад. Как я увидел эту сакму? Это не было картинкой перед глазами. Скорее, это было похоже на то, как если бы пространство само вложило в мою голову знание. Я чужал их злобу, их жажду скорой наживы, бьющуюся в такт копытам их низкорослых лошадок. «Эмпатия», — всплыло в уме модное словечко из прошлой (или будущей?) жизни. Нет, тут это не работает. Тут это зовется чуйкой, даром. Даром, за который можно и на дыбу загреметь, если церковники прознают, благо до Москвы отсюда как до луны.

Время текло медленно, густо. Небеса на востоке начали сереть. Над камышами пополз влажный, знобкий туман, скрывая Черный буерак.

И тут дозорный на вышке — тот самый Спиридон, что не хотел бить в било — вдруг захрипел и нелепо перевалился через перила, рухнув вниз тяжелым кулем. В его шее торчала оперенная камышовая стрела.

Они пришли. Без криков, без улюлюканья. Ногайцы всегда бьют исподтишка, как степные гадюки.

Воздух вдруг наполнился мерзким шелестом, словно стая саранчи поднялась из ковыля. Десятки стрел ударили в соломенные крыши куреней, в плетень, в землю глухими «тук-тук-тук». Кто-то из молодых казаков вскрикнул, схватившись за пробитое плечо.

— Огня! — рявкнул от ворот густой бас атамана казачьего городка. — Пали зелье!

И тут начался ад. Не ждите от меня описаний красивых фехтовальных пассажей. Грохнули затинные пищали — тяжелые ручницы, которые казаки укладывали на плетень. Вспышки выстрелов разорвали предрассветную хмарь. Порох в то время делали дрянной, дыма от него было столько, что через пару минут майдан заволокло едким, серным туманом, выедающим очи. Следом рявкнул тюфяк — пушка, набитая рубленным свинцом, гвоздями и каменной крошкой. Земля содрогнулась. Из тумана, где скрывались враги, донеслось пронзительное конское ржание и человеческий вой. Картечь выкосила первые ряды атакующих еще на подступах к тыну.

Мое странное восприятие, отключившееся было от страха, снова вспыхнуло. Сквозь пороховую гарь, сквозь звон в ушах я вдруг начал чувствовать их. Жизни — как маленькие огоньки. Я сидел за телегой, но точно знал: с левого фланга, со стороны реки, к плетню крадется десяток татей. Они хотят перелезть там, где дым гуще всего.

— Мама... — я дернул Дарью за подол. Мой голос тонул в грохоте, но она тут же склонилась ко мне. Я указал крошечным пальцем в сторону реки, где не было никого из наших бойцов. — Там лезут. Тати. С мокрыми волосами. Из воды.

Ее темные глаза расширились. Она не стала переспрашивать, как я это узнал. Урок с сакмой был усвоен крепко. Ширин вскочила, метнулась к ближайшему казаку — седому старику, который перезаряжал пищаль, неуклюже орудуя шомполом, — и что-то крикнула ему на ухо, указав кинжалом на речной фланг.

Старик, дед Архип, местный костоправ и дока, как его тут звали, повернул голову. Он не стал спорить с бабой. Просто поднял пищаль, свистнул двоим молодым, подобрал с земли тяжелый чакан, и они скрылись в клубах дыма. Через минуту оттуда раздались влажные звуки ударов, сдавленные хрипы и всплески воды. Мои «огоньки» на левом фланге начали гаснуть один за другим. Дед Архип сработал чисто.

Бой у ворот длился не больше получаса, хотя мне показалось, что прошла вечность. Ногайцы поняли, что внезапного удара не вышло. Городок не спал, городок огрызался свинцом и сталью. Оставлять свои животы на кольях плетня ради сомнительной добычи в планы степняков не входило. Взревели рога, давая сигнал к отходу. Цокот копыт начал стихать, растворяясь в утренней степи.

Тишина, рухнувшая на майдан, была тяжелее грохота пушек.

Дым понемногу рассеивался, уступая место блеклому рассветному солнцу. Воздух пах кровью. Густо, солоновато-железисто. Женщины начали осторожно выходить из-за возов.

К нашим телегам тяжело шагал отец. Ермолай был страшен. Его лицо почернело от копоти, на скуле кровоточила свежая ссадина, а по лезвию широкой дедовской секиры стекали густые, темные капли. Он тяжело дышал, раздувая ноздри, как загнанный жеребец.

Он остановился напротив нас с матерью. Взглянул на Ширин, которая уже прятала кинжал обратно в ножны, а затем перевел взгляд на меня.

И тут я увидел это в его глазах. Нежность отца смешалась с первобытным, суеверным ужасом. Он понял. Если бы не мое предупреждение о сакме с вечера, если бы мы не подняли сполох, они бы вошли в сонный городок и вырезали всех. Но откуда малец четырех годков мог знать то, чего не видели лучшие дозорные степи?

К Ермолаю подобострастно приблизился дед Архип, вытирая окровавленный чакан о полу зипуна. Старик посмотрел на меня из-под кустистых, седых бровей своими выцветшими, но цепкими глазками.

— Твоя женка сказала, на реке тати лезут, Ермолай, — проскрипел Архип. — И впрямь лезли, собаки. С десяток, аккурат водяным ходом. Мы их там и притопили. Токмо... Дарья-то твоя за возами сидела. Неоткуда ей было то видеть.

Архип перевел взгляд на меня. В этом взгляде не было страха, в отличие от отцовского. В нем пылал профессиональный интерес.

— Знаткий малец растет, Ермолай, — тихо, чтоб не слышали другие, прогудел старик. — Ой, знаткий. Не по годам очи зрят. Если пономари проведуют, беды не оберешься. А степь... степь таких любит. Отдай его мне в науку, как подрастет маненько. Я из него такого доку вылеплю, что черти в аду завидовать станут.

Я смотрел на них снизу вверх. Маленький мальчик, сжавшийся у колеса. Но внутри этого мальчика ухмылялся взрослый, циничный мужик, понимающий, что жизнь только что сделала крутой поворот. Я выжил. Я спас свою мать и свой городок. И я получил покровителя — местного ведьмака-костоправа.

Кажется, эпоха Ивана Васильевича, которому сейчас, к слову, должно быть лет девять от роду и он там, в Москве, дрожит под боярскими интригами, обещает быть зело занимательной.

— Посмотрим, дед Архип, — мысленно ответил я старику, облизнув пересохшие губы. — Еще посмотрим, кто из нас кого учить будет.

Глава 2. Кипяток, мази и дед Архип

Говорят, что время лечит. Чушь собачья. Время только рубцует раны, да и то — криво, если не уметь их зашивать. А шить на Дону в середине шестнадцатого века умели скверно.

Прошло два года с того памятного набега. Мне стукнуло шесть. Для вас — возраст детского сада и первых прописей. Для меня — время, когда я уже свободно управлял отцом выструганным деревянным кинжалом, ловко уворачиваясь от подзатыльников старших мальчишек, и, что куда важнее, официально поступил в подмастерья к деду Архипу.

Архип был мужиком кряжистым, жилистым, похожим на старый дубовый пенёк, который топором не возьмешь — только затупишь. Жил он на отшибе городка, в полуземлянке, пропахшей сушеной ромашкой, чабрецом, дегтем и запекшейся кровью. Местные его побаивались. Называли докой, знахарем, а за глаза — шептуном и колдуном. К попам он не ходил, крестился как-то вскользь, небрежно, зато наизусть знал все буераки в степи и мог по запаху полыни определить, когда пойдет дождь.

В то утро я сидел на чурбаке возле его землянки и с остервенением толкал в каменной ступе сушеный тысячелистник. Архип возился у импровизированного очага, где в подвешенном чугушке булькала какая-то дрянь, распространяя удушливый запах вареного сала и серы.

— Сильнее толки, Фролка, не жалей, — проскрипел старик, не оборачиваясь. — В пыль стирай! А то зелье для Игнатовых ран не сцепится.

Игнат, молодой казак, третьего дня вернулся из разъезда с разрубленным от плеча до ключицы предплечьем. Сабля чудом не задела кость, но мясо разошлось страшно. Архип вчера стянул края раны суровыми нитками, густо замазал все дегтем, присыпал золой и замотал грязной тряпицей, оторванной от подола старой рубахи.

Я, шестилетний карапуз с разумом выпускника медвуза... ладно, не выпускника, но чело-века, посмотревшего хотя бы пару сезонов «Доктора Хауса», с трудом сдержал тогда вопль ужаса. Грязь! Антисанитария! Инфекция! Сепсис! Гангрена! Эти слова бились в моей голове, как сумасшедшие птицы, но я не мог произнести их вслух. Начни я рассказывать Архипу про микробов и стафилококки, он бы решил, что в меня бес вселился, и начал бы лечить по-своему — кнутом и молитвами.

Приходилось действовать тоньше. Изобретать велосипед в условиях Дикого Поля.

— Дедо, — позвал я, отрываясь от ступы. — А почто ты холсты, коими раны вяжешь, в воде не варишь?

Архип замер с длинной деревянной ложкой в руке. Повернул ко мне свое дубленое лицо, испещренное глубокими морщинами. Взгляд его колющих глаз уперся в меня с подозрением.

— Чаво удумал, малец? Варить? Портки варят, чтоб вши сдохли. А холст на рану — он чистый, я его токмо обтряс да на солнце подержал.

— Так то вши, — я напустил на себя самый невинный, детский вид, похлопав черными ресницами. Мать говорила, что у меня ее, персидские, глаза — бездонные и хитрые. — А в ране невидимые черви заводятся. Гнилостные. От них и жар, и антонов огонь (гангрена). Мамка сказывала, у них в персидской стороне все тряпицы для ран в кипятке крутом варят, да не просто в воде, а с солью. А потом сушат на горячих камнях. И раны гниют меньше.

Это, конечно, была ложь. Ширин ни о чем подобном не говорила, в Персии шестнадцатого века медицина была не сильно лучше местной, разве что пахла приятнее. Но авторитет моей матери, как-никак «ведьмы с Хвалынского моря», был велик.

Архип нахмурился, пожевал губами. Он не любил, когда малец учил его ремеслу, но был человеком практичным. За последние два года он убедился, что моя «чуйка» — это не просто детские фантазии. Я безошибочно находил в степи редкие травы, чувствуя их жизненную

вибрацию (или хрен знает что это было), и однажды спас ему жизнь, вовремя предупредив о степной гадюке, которая уже приготовилась к броску из-под корчаги.

— Невидимые черви, баишь? — проворчал старик, почесывая взлохмаченную седую бороду. — Бесовские козни, не иначе. Ладно. Хуже от варки холстине не станет. Тащи котел, Фролка. И соли сыпь щедро, как мать твоя велела. Будем бесовых червей вываривать.

Я мысленно выдохнул. Первый шаг к асептике был сделан. Я не мог создать пенициллин из плесени в донской землянке — моих обрывочных знаний химии на это не хватало. Но я мог заставить их мыть руки, кипятить инструменты и бинты, прикрываясь «магическими обрядами» и «заговорами от гнилостных духов».

Пока в котле над костром булькали льняные полосы вместе с солью, Архип присел рядом со мной на корточки. Он долго смотрел на меня, щурясь от дыма.

— Станный ты, малец, — задумчиво протянул он. — Смотрю в твои очи — а там не дитё. Там старик сидит. Ум за разум заходит. Ты вот мне скажи, токмо по правде, без утайки. Как ты тогда, два года назад, сакму угадал? Не бреши про сны да про мамкины сказки. Я видел, как ты на реку указал, еще до того, как тати из воды вышли.

Я отложил каменный пестик. Врать Архипу было глупо. Он был моим проводником в этот мир, моей защитой от фанатиков. Но и правду про реинкарнацию или попаданчество он бы не понял. Пришлось адаптировать.

— Я их чувю, дедо, — тихо сказал я, глядя на танцующие языки пламени. — Не глазами вижу. А нутром. Словно нити от них тянутся. Жаркие, злые. Когда кто-то с мыслью черной идет, я этот жар кожей ощущаю.

Я вытянул вперед худую, загорелую руку.

— А еще... я могу сделать так, чтобы они меня не увидели.

Архип хмыкнул, недоверчиво покачав головой.

— Отвод глаз? Морока? Брешешь, пострел. Этому годами учатся, да и то единицы могут. Это дар особый, колдовской.

— Хочешь, покажу? — я поднял на него тяжелый взгляд.

Внутри меня что-то щелкнуло. Я помнил это ощущение с того самого боя. Как будто ты собираешь волю в кулак, концентрируешь какую-то внутреннюю, вязкую энергию и размазываешь ее по пространству вокруг себя. Вы называете это гипнозом или внушением. Здесь это звалось мороком.

— Ну, кажи, — усмехнулся дед, скрестив руки на груди. — Токмо если соврал — выпорю вицей за брехню.

Я не стал закрывать глаза. Просто посмотрел сквозь старика. Представил, что я — это пустота. Что меня здесь нет. Я — старый, трухлявый чурбак, на котором сижу. Я — запах дыма. Я — тень от камышовой крыши. Я тянул эту энергию из земли, из своей странной крови, и накидывал ее на Архипа, как невидимую сеть. Смещая его фокус внимания, стирая свой образ из его мозга.

Лицо старика вдруг дрогнуло. Усмешка сползла. Глаза его расширились, зрачки забегали, пытаясь сфокусироваться на том месте, где я сидел. Он смотрел прямо на меня, но я видел, что он меня не видит. Его сознание скользило по мне, как вода по промасленному холсту.

— Фролка? — позвал он, и голос его дрогнул. Он протянул руку, пытаясь нащупать меня, но его ладонь прошла в дюйме от моего плеча. Я чуть сместился. — Эй, малец? Ты куды сгинул, леший тебя дер!

Он вскочил на ноги, озираясь по сторонам, отступая от костра. В его глазах мелькнул настоящий страх. Страх человека, столкнувшегося с неведомым.

Я отпустил волю. Сеть морока спала, как лопнувшая струна. Я снова стал шестилетним мальчишкой, сидящим на чурбаке. Воздух вокруг меня словно сгустился, возвращая мне очертания.

Архип уставился на меня, тяжело дыша. Он медленно опустился обратно на землю, не сводя с меня потрясенного взгляда.

— Матерь Божья... — прошептал он, и дрожащей рукой неумело, слева направо, перекрестился. — Истинно морок. Без заговора, без травы дурманной. Одной волей глаза отвел.

Он долго сидел молча, глядя на кипящий с тряпками котел. Затем тяжело вздохнул, достал из-за пазухи засаленный кисет, неспешно набил деревянную трубку самосадом и прикурил от уголька. Клубы сизого дыма окутали его лицо, скрывая выражение глаз.

— Ну что ж, Фрол Ермолаевич, — наконец произнес он, и впервые назвал меня по отчеству, не как мальчика, а как равного. — Ежели ты в шесть годков такое творишь, то к пятнадцати годам либо царем станешь, либо тебя попы на дыбе сгноят. Буду учить тебя, знаткий. Всему, что сам ведаю. Про кровь, про травы, про кости. А ты меня... — он криво усмехнулся, бросив взгляд на котел, — про своих червей гнилостных просвещай. Глядишь, и доживешь до седин, не свернув шею в Диком Поле.

Так началось мое настоящее обучение. Обучение, где переплетались древние инстинкты, донская магия, жесткая степная медицина и осколки знаний из будущего. Я становился докой. Становился тем, кого через много лет назовут характерником, хотя здесь, на Дону, таких слов не знали. Здесь их называли просто — «заговоренные». И мне предстояло стать самым страшным из них...

— Эй, Фролка! Опять Архиповы сорняки жуешь?

Я неспешно открыл глаза. Солнце стояло в зените, безжалостно выжигая краски из донского пейзажа — оставляя лишь грязно-желтый цвет пыли да мутную зелень осоки у берега.

Надо мной возвышалась долговязая фигура Сашки, сына тысяцкого. Ему было восемь, мне — семь. С точки зрения дворовой иерархии разница в год — это пропасть. Сашка считал себя без пяти минут боевым казаком, хотя саблю ему пока доверяли только деревянную, да и ту он чаще ронял себе на ногу, чем рубил крапиву. За ним, хихикая в кулаки, жались еще трое пацанов из зажиточных куреней.

Я сидел на корточках возле Архиповой землянки, тщательно растирая между пальцами листья полыни горькой (*Artemisia absinthium*, если вам интересно). В моем времени из нее делали абсент и лечили от глистов. В этом — Архип окуривал ею рожениц от «дурного глаза». Я же пытался понять, можно ли из нее выгнать эфирное масло малой кровью, без перегонного куба, которого в городке, ясное дело, отродясь не водилось.

— Не жую, Александр, а изучаю свойства флоры родного края, — буркнул я, не меняя позы и не глядя на него.

Повисла пауза. Я спиной почувствовал, как зависли шестеренки в Сашкиной голове. Слово «флора» в шестнадцатом веке на Дону звучало как заклинание вызова Сатаны.

— Чаво? — Сашка нахмурился, его лицо приобрело оттенок благородной, незамутненной мыслью тупости. — Ты кого щас обругал, выродок персидский?

Остальные пацаны переглянулись и шагнули ближе. Запахло дракой.

Вам, людям из цивилизованного мира, наверное, кажется диким, что дети могут всерьез покалечить друг друга из-за пустяка. Но мы жили в Диком Поле. Здесь жестокость впитывалась

с молоком матери. Если ты не мог дать сдачи, ты становился изгоем. А изгой в казачьем городке — это потенциальный труп в первом же серьезном набеге, потому что спину тебе никто не прикроет.

Мое положение осложнялось тем, что я был «персидским вырожденком» и «знатким мальцом» с мутной репутацией. Взрослые меня побаивались или уважали, а вот для детей я был идеальной мишенью. Странный, нелюдимый, вечно трущущийся возле свихнувшегося костоправа.

— Я сказал, Александр, что лучше бы тебе идти тренировать удар снизу левой рукой, а то вчера, когда ты рубил лозу, у тебя замах был такой широкий, что я бы успел тебе кишки выпустить трижды, пока ты деревяшку опускал, — я поднялся, отряхивая руки от горькой пыли. Голос мой звучал абсолютно спокойно. Слишком спокойно для семилетнего.

Сашка побагровел. Его уязвленное самолюбие требовало немедленной сатисфакции. Он выхватил из-за пояса увесистую палку, обмотанную тряпицей — имитацию клевца — и шагнул ко мне.

— Я те щас дам «выпустить», щенок! Архип твой колдун, и ты колдун! Мой тятка сказывал, вас обоих в Дон кинуть надобно, с камнем на шее! — заорал он, замахиваясь.

Я даже не пошевелился.

Внутри меня не было ни капли животного страха, только холодный, почти академический интерес. Я вспомнил недавние уроки с Архипом. Старик гонял меня до седьмого пота, обучая не хитромудрому фехтованию, как в кино, а грязной, функциональной рубке и рукопашной, где побеждает тот, кто быстрее ломает кости. Но важнее физики было другое — то, что я сам открыл в себе во время осады ногайцами. Дар.

Мы называли это мороком. Но морок — это не просто оптическая иллюзия. Это удар по восприятию. Перехват управления чужими реакциями.

Сашкина палка со свистом рассекла воздух, целясь мне в висок.

Я не стал уклоняться. Я поймал его взгляд.

— Стоять, — тихо, но с металлической вибрацией в голосе, произнес я.

Я вложил в это слово весь свой внутренний вес, всю накопленную энергию, сконцентрировав ее на Сашкином зрительном нерве и вестибулярном аппарате. Это было похоже на то, как если бы вы вдруг сбили настройки автофокуса на камере и одновременно крутанули ее вокруг оси.

Сашка замер. Его глаза остекленели. Палка остановилась в дюйме от моей головы, вяло скользнув по плечу. Он зашатался, словно пьяный, ловя ртом воздух.

Остальные мальчишки оцепенели. Они видели лишь то, как Сашка замахнулся со всей дури, а потом вдруг застыл на месте, побледнев как полотно.

Я шагнул вплотную к нему. Мой рост едва доходил ему до груди, но сейчас я возвышался над ним.

— Слушай меня внимательно, Александр, — шептал я, и мой шепот казался громче набата. Я усиливал морок, нагоняя на него чувство липкого, иррационального ужаса, заставляя его видеть не маленького мальчика, а нечто темное, клубящееся, готовое сожрать его заживо. — Если ты или кто-то из твоих шавок еще раз назовет мою мать персидской сукой или тронет вещи Архипа, я приду к тебе ночью. Я не буду бить тебя палкой. Я просто посмотрю на тебя. И ты ослепнешь. А потом оглохнешь. Усекаешь, о чем гутарю?

Сашка не ответил. Его нижняя челюсть мелко тряслась, а из расширенных до предела глаз катились крупные слезы. Он не мог вздохнуть, словно невидимая рука сдавила ему горло. Палка с глухим стуком выпала из его ослабевших пальцев. А затем по его грубым холщовым портам расплзлось темное, мокрое пятно.

Ватага за его спиной сдулась в мгновение ока. Пацаны попятились, а затем, не сговариваясь, дали деру в сторону камышей, сверкая голыми пятками. Героев среди них не сыскалось.

Я моргнул, обрывая зрительный контакт и втягивая волю обратно, словно втягивают леску на спиннинге.

Сашка шумно втянул воздух, пошатнулся и, не оборачиваясь, бросился бежать, путаясь в собственных мокрых штанах.

Как только он скрылся за ближайшим плетнем, меня накрыло. Мир резко накренился, перед глазами поплыли черные круги, а в виски ударил паровой молот. Я оперся рукой о шершавую стену Архиповой землянки, чувствуя, как из левой ноздри потекло что-то горячее и соленое. Кровь.

Вы ведь думали, что магия — это легко? Взмахнул палочкой, сверкнул глазами, и враги повержены, а ты стоишь красивый в лучах заката. Черта с два. Любое воздействие на чужой разум, любая попытка прогнуть реальность под себя в этом мире жрет колоссальное количество энергии. Моя неокрепшая, семилетняя центральная нервная система только что испытала перегрузку, сравнимую с подключением лампочки к высоковольтной ЛЭП.

Тяжелая, узловатая рука легла мне на затылок.

Я не слышал, как Архип подошел. Старик умел двигаться так тихо, что даже степной ковыль под его сапогами не шуршал.

— Гордыня, Фролка, — проскрипел он над моим ухом. В его голосе не было сочувствия, только холодная сталь. Спокойно оттерев кровь с моего подбородка своим грязным рукавом, он развернул меня к себе. — Гордыня тебя в могилу сведет, паче татарской стрелы.

— Он первый начал, — выплюнул я, тяжело дыша.

— И чаво? — Архип прищурился. — Он — щенок глупый. Завтра отцу пожалится. А тысяцкий придет с казаками спрашивать, отчего это его сынка при виде тебя ссытс да заикается. Ты свою силу на дворовых шавок тратишь. Морок — он для боя. Для татя в ночи. Для того, чтоб из петли вылезти, когда ясырем погонят. А ты... эх.

Старик сплюнул под ноги и указал пальцем мне в грудь.

— Знаткий человек должен быть как тень. Мыслью быстр, а на вид — прост и немощен. Чтoб супостат до последнего вздоха своего не ведал, кто ему кадык вырвал. Усекаешь?

Я молча кивнул. Он был прав на все сто процентов. Я позволил эмоциям — раздражению взрослого мужика в теле ребенка — взять верх. Непростительная ошибка для того уровня выживания, который диктовало Дикое Поле этой эпохи.

— Ступай в землянку. Там у печи туесок с отваром шиповника и сабельника. Выпьешь в два глотка, ляжешь на лавку и будешь лежать, покада кровь из носа не уймется. А после мы с тобой поговорим о том, где у человека на шее жилы сонные ходят.

Так шло время. Мое детство кардинально отличалось от того, что рисуют в исторических романах о благородных рыцарях. Никакой романтики. Токмо грязь, пот, постоянные тренировки и запах травяных мазей, которыми я пропах настолько, что даже дворовые псы перестали на меня брехать, принимая за ходячий куст полыни.

К десяти годам я вытянулся, раздался в плечах, и материнская восточная кровь взяла свое окончательно: я был черен волосом, смугл, резок в движениях, а взгляд исподлобья отпугивал даже бывалых казаков. Батя, Ермолай, сменил гнев на милость, решив, что раз из меня не вышел обычный землепашец-рыбак, то воин получится отменный.

Отец учил меня тяжелой работе с железом. Я узнал, что саблей не рубят, как топором, а хитро тянут лезвие на себя, делая потяг — так, чтобы искривленный клинок вскрывал плоть, как бритвой, доставая до самых костей. Я учился стрелять из тяжелой пищали, тайком задыхаясь от едкого порохового дыма и отдачи, которая первые разы отбрасывала меня на метр назад.

Но главным моим учителем оставался Архип.

Наша с ним коллаборация, как сказали бы в моем прошлом мире, приносила потрясающие плоды. Я внедрил в его практику жесточайшую асептику и антисептику. Конечно, микроскопов у нас не было, но я убедил старика, что «гнилостные бесы» жутко боятся крепкого хлебного вина, крутого кипятка и чистых рук.

Сначала над нами на майдане посмеивались. Но когда после осенней стычки с крымчаками Архип поставил на ноги троих казаков с тяжелыми колото-резаными ранами живота (выживаемость при которых в шестнадцатом веке стремилась к нулю), смешки стихли. Я, пользуясь знаниями анатомии из прошлой жизни, ввел в практику наложение многослойных швов. Архип, обладая феноменальным чутьем знахаря, подобрал идеальный состав из древесной смолы, меда и толченого чеснока, который работал как природный антибиотик. Мы зашивали раны суровыми нитками, вываренными в вине, и народ выживал.

Архип же учил меня совершенно иным наукам.

Он научил меня «читать» степь. Определять по полету птиц, кто идет за горизонтом — большое стадо сайгаков или конный разъезд. Научил находить воду там, где земля трескалась от зноя. Но самое главное — он развивал мой дар.

Постепенно головные боли от применения морока ушли. Я научился не тратить энергию впустую, а концентрировать ее в короткие, точечные удары. Я мог заставить человека на пару

секунд потерять ориентацию в пространстве, мог внушить ему чувство безотчетного ужаса или, наоборот, сделать себя невидимым для отвода глаз в сумерках. Это не делало меня всемогущим супергероем. Шальная пуля или удачно пущенная стрела убили бы меня так же верно, как и любого другого. Но в рукопашной схватке это давало те самые доли секунды, которые решали вопрос жизни и смерти.

Однажды, когда мне исполнилось восемь (а на дворе стоял год тысяча пятьсот сорок третий), я сидел на берегу Дона. Вода катила свои тяжелые, свинцовые волны, неся в себе ил и холод далеких северных лесов.

Я посмотрел на свое отражение. На меня смотрел не мальчик, и уж точно не житель двадцать первого века. На меня смотрел молодой, пока еще мелкий хищник (который к слову быстро рос) Дикого Поля. Спутанные черные волосы перехвачены ремешком, на шее болтается волчий клык — подарок Архипа, поверх льняной рубахи накинута потертый зипун, а за широким поясом торчит остро отточенный персидский кинжал матери.

Я вдруг осознал, что старая личность, воспоминания о многоэтажках, асфальте и интернете, перестали быть для меня настоящей жизнью. Они стали похожи на странный, очень подробный сон. Моей реальностью теперь был запах конского пота, кровь на руках и суровый закон степи: убей, или будешь убит.

В Москве, если верить редким слухам от проезжих купцов, молодой князь Иван Васильевич собирается венчаться на царство, приняв титул царя. Государство Московское начинало расправлять плечи, тяжело и неотвратимо надвигаясь на осколки Золотой Орды. А это значило, что скоро заполыхает не только Дикое Поле. Заполыхает все Поволжье.

Я зачерпнул ледяную воду ладонями, умыл лицо и поднялся на ноги.

Где-то далеко на юге, за камышами, прозвучал резкий крик степного орла. Кровь в жилах привычно ускорила. Детство кончилось окончательно. Пора было собирать свой первый серьезный урожай жизней, потому что оставаться в тени больше не получалось. Настало время Фролу Чёрному заявить о себе.

Глава 3. Дар степного волка

Знаете, в чем главная проблема взросления в шестнадцатом веке? У тебя нет подросткового периода. Вчера ты, может, и пускал кораблики по весенним ручьям, а сегодня тебе всучили настоящий, тяжелый персидский лук (трофей бати) и сказали: «Не добудешь дичи — пойдешь спать голодным».

Мне было десять. Я уже перестал быть просто странным мальцом Архипа, превратившись в угрюмого, длиннорукого подростка с тяжелым, немигающим взглядом исподлобья. Мать звала меня ласково, по-своему, но для городка я стал Фролом Черным. Черным — за смоляные волосы, за смуглую кожу и, как шептались бабы на майдане, за то, что «чернота в глазах плещется, когда осерчает».

Архип гонял меня нещадно. Наша наука вышла далеко за пределы костоправства и кипячения тряпок. Старик взялся за мою тактическую подготовку, и методы его были, мягко говоря, нетрадиционными для донских казаков того времени.

Казаки привыкли биться лихо: гиканье, свист, лава всадников, сверкание сабель. Это красиво, это работает против татар, когда нужно смять слабого врага. Но Архип учил меня другому. Он учил меня искусству пластунов — хотя самого этого слова на Дону еще не знали (оно появится позже, на Кубани). Он называл это «ходить по-лисы».

— Казак в поле должен быть как ковыль, — наставлял Архип, сидя на корточках в высокой степной траве. Солнце немилосердно палило, а я лежал рядом на брюхе, пытаюсь дышать так, чтобы не колыхнулась ни одна травинка. — Ветер дунул — ковыль пригнулся. Ветер стих — ковыль встал. Но никто ковыль не видит, пока носом в него не уткнется.

Мы уходили в степь на несколько дней. Без огня, без припасов, только с ножами и луками. Вы, городские жители будущего, если бы оказались в балке, кишасей гнусом, под палящим солнцем без капли воды, взвыли бы через час. Я же, к десяти годам, научился высасывать влагу из корневищ дикого катрана и спать, зарывшись в теплый песок, как ящерица.

Я внедрил в наши тренировки то, что помнил из прошлой жизни: элементы спецназовской маскировки, перекаты, бесшумный шаг с перекатом с пятки на носок. Сначала Архип смеялся над моими странными телодвижениями, но когда я, измазавшись грязью и золой, однажды подобрался к нему на расстояние вытянутой руки так, что он даже ухом не повел, — смешки прекратились.

— Ну, Черный бес, — прокряхтел тогда старик, когда я внезапно вырос из земли у него за спиной, приставив деревяшку к его почкам. — Впрямь как тать болотный ходишь. Зело борзо. Токмо не забывай: ноги ногами, а сила твоя — в глазах.

Мой дар. Морок. С практикой он перестал вырубать меня кровотечениями из носа. Теперь это была холодная, контролируемая энергия. Я понял, что морок работает лучше всего не как прямое гипнотическое внушение (это требует слишком больших затрат), а как отвод глаз.

Представьте, что вы идете по улице и краем глаза замечаете мусорный бак. Вы на него не смотрите, ваш мозг его фиксирует и тут же выкидывает за ненадобностью. Я научился делать так, чтобы чужой мозг воспринимал меня как этот самый мусорный бак. Как пустое место. Тень. Часть пейзажа.

Это работало безотказно на людях, если они не ждали нападения. Но с животными было сложнее.

Это случилось в начале осени 1545 года. Мы с Архипом зашли далеко за Черный буерак, выслеживая одичавшую лошадь. Мясо в городке было нужно.

Мы разделились. Я крался по дну сухого лога, сливаясь с серо-бурой землей. Ветер дул мне в лицо, скрадывая запах.

И тут я почувствовал его.

Сначала это был не звук. Это был укол прямо в мозжечок. Ощущение тяжелого, голодного, первобытного внимания, направленного прямо в затылок. Моя «эмпатия» — та самая способность чувствовать чужую жизнь, которая спасла городок в четыре года, — взвыла пожарной сиреной.

Я медленно, не делая резких движений, опустился на одно колено и обернулся.

В десяти шагах от меня, на склоне лога, стоял волк. Но это был не обычный переярок. Это был матерый степной зверь. Крупный, жесткошерстный, с грязно-желтыми подпалинами и старыми шрамами на морде. Он не скалился. Он просто смотрел на меня умными, пронзительно-желтыми глазами, вычисляя, стоит ли со мной связываться.

Степные волки редко нападают на человека днем, если не бешеные и не сбиты в большую стаю. Но этот, видимо, был слишком стар, или изгнан из стаи и отчаянно голоден.

Я медленно потянулся к поясу, где висел тяжелый персидский кинжал матери. Лук за спиной был бесполезен — на такой дистанции я не успел бы наложить стрелу.

Зверь уловил мое движение. Мышцы под его шкурой перекатились, он чуть припал на передние лапы.

«Только не бежать», — пронеслось в голове. Побежишь — включишь инстинкт преследования.

Я мог бы попытаться кинуть в него морок. Отвод глаз. Но животные воспринимают мир иначе. Они живут запахами, вибрациями, инстинктами. Человеческий гипноз на них работает криво.

И тогда я сделал то, чего не стал бы делать ни один нормальный человек шестнадцатого века. Я не стал отводить глаза. Я решил ударить мороком прямо в его восприятие. Но не пытаюсь исчезнуть, а попытавшись... наладить связь. Эмпатию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.